

Как я завидую безмозглым!

Оптимизм – это недостаток информации.

Збигнев Войцеховский

Раневская,

это вы себе позволяете?!

Тошно от театра.
Дачный сортир.
Обидно кончать
свою жизнь
в сортире.

Всю жизнь
я проплавала
в унитазах
стилем
баттерфляй.

Когда я умру,
похороните меня
и на памятнике
напишите: «Умерла
от отвращения».

Вот теперь я точно знаю,
как рождаются алкоголики.

После третьей рюмки я почувствовала
себя достаточно раскрепощенно.

Милый! Даже колыбельную нужно писать так,
чтобы люди не засыпали от скуки!

Биографии великих
Неожиданный ракурс

Биографии великих. Неожиданный ракурс

Збигнев Войцеховский

**Раневская, что вы
себе позволяете?!**

«ЭКСМО»

2012

Войцеховский З.

Раневская, что вы себе позволяете?! / З. Войцеховский —
«Эксмо», 2012 — (Биографии великих. Неожиданный ракурс)

ISBN 978-5-699-60950-5

Эта книга заметно отличается от всего, что было написано о Фаине Раневской раньше. Книга не претендует на истину в конечной инстанции, однако образ великой актрисы, созданный автором, впечатляет необыкновенной естественностью, «живостью» и правдоподобностью. Раневская представляется читателю по-настоящему одаренным человеком, тонко чувствующим несправедливость и достоинства нашего бытия, убогость и духовное богатство людей; она представляется человеком, обладающим жестким, критическим взглядом на мир и явления. Но вместе с тем эта книга создает образ застенчивой, некрасивой, очень совестливой женщины, с которой судьба обходилась не всегда ласково и справедливо...

ISBN 978-5-699-60950-5

© Войцеховский З., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Глава 1.	6
1. «ПионЭры, возьмитесь за руки и идите в жопу!»	6
2. «Всю жизнь я проплавала в унитаге стилем баттерфляй»	11
3. «Страшно грустна моя жизнь...»	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Збигнев Войцеховский

Раневская, что вы себе позволяете?!

Эта книга – о необычном человеке. Скажу больше: об одном из самых необычных. И еще больше – о самой необыкновенной актрисе бывшего Советского Союза. Уникальной актрисе.

Споры о Фаине Георгиевне Раневской не прекращаются и по сей день. Одни считают ее излишне грубой, где-то даже вульгарной, другие же находят в ней тонкий юмор, незаурядный талант острослова, умение увидеть смешное и нелепое во всех привычных вещах. Одни видят ее далеко не моделью, скептически оценивая ее внешнюю красоту, в особенности намекая на большой нос и достаточно ярко выраженные семитские черты. Другие же говорят об одухотворенном лице, пронзительном живом взгляде, светящихся глазах, которые, как известно, – зеркало души. Одни упрекают ее в том, что она была обласкана той системой, в которой жила, имела немало наград, играла роли коммунисток, «перекованный соцэлемент», а другие рассказывают о ее смелости, о способности говорить правду и высказывать свою критическую точку зрения в любых условиях. Но и первые, и вторые сходятся в одном: она была талантливейшей актрисой. Созданные ею образы до сих пор поражают истинных ценителей кино и театра. Поэтому мы построим книгу о ней тоже не обычно, не традиционно. В самом начале попробуем ответить на вопросы: кто же она такая – наша героиня? Как она могла жить в то время в той стране? Почему она была такой, какой была?

Глава 1. Кто же Вы, Фаина Раневская?

1. «ПионЭры, возьмитесь за руки и идите в жопу!»

Вы, дорогие читатели, наверняка ожидали увидеть название первой главы книги в виде чего-то привычного, скажем: «Безбедное детство». А первыми строками должны были бы идти слова о том, когда и в каком месте родилась наша героиня.

Вы ведь знаете, кому принадлежит эта фраза? Интересно, что только единицы актеров, вошедших в мировую историю, узнаются не столько по своим сыгранным ролям, не столько по фильмам, а именно по фразам, репликам. И редчайший случай, когда такие фразы сказаны не со сцены, не в фильме, а в быту.

Фаина Георгиевна Раневская – это именно тот случай. Фраза, которой я осмеливаюсь назвать первую главу книги о Раневской, принадлежит ей.

Здесь, в одной этой фразе – вся Фаина Раневская, ее суть, ее мировосприятие, ее отношение к окружающему ее миру. Здесь Фаина Раневская раскрывает себя не как актрису, но как человека. И начать эту книгу мне бы хотелось именно с этого: попытаться вначале понять, что это за человек, определить ее самые главные черты, глубину ее внутреннего мира. И заодно – рассказать хоть вскользь о тех условиях, в которых она жила. Ведь жизнь этой женщины – это целая эпоха! Она играла в театре и снималась в фильмах при Ленине, Сталине, Хрущеве, Брежнев! Это кажется невероятным, но это так.

Сохранились многие сотни высказываний Фаины Раневской. И, надо заметить, этот список цитат растет. За далью лет уже трудно сказать, что она говорила на самом деле, что ей приписано. С легендарными личностями так бывает всегда: они становятся обладателями не только своего ума и своих слов, но и народного творчества, устного фольклора, анекдотов. Человечество стремится придать своему кумиру новые штришки, которые подчеркнули бы его ум, остроумие, неординарность мышления...

Но из всех фраз я выбрал именно эту. И не только потому, что эта фраза точно принадлежит Раневской.

Сегодня известно, что эту фразу Раневская произносила дважды. Один раз это произошло на улице, и фраза прозвучала как ответ окружившим ее детям, которые, не смолкая, кричали актрисе: «Муля, не нервируй меня». Правда, звучит она в этом случае короче, без очень характерной вставки «возьмитесь за руки».

Во втором случае Фаина Раневская так ответила тимуровцам, пришедшим в ее дом.

Тут надо бы чуточку пояснить: кто такие тимуровцы и чего ради они пришли к уже постаревшей тогда Фаине Раневской. Уверен, часть наших читателей уже не совсем точно представляет себе всю сущность тимуровского движения – прошло немало лет.

Аркадий Гайдар, советский писатель, остался в литературе благодаря одной своей повести «Тимур и его команда». Кратко о содержании повести: время Гражданской войны, взрослое мужское население воюет. Женщины, старики и дети находятся где-то в крупном дачном поселке. Оставшиеся 10–13-летние дети красных командиров создают тайную группу поддержки стариков и одиноких и творят свои красивые и нужные дела ночью, тайно от всех. Дрова там складывают, козу разыскивают... А еще они воюют (почти как взрослые) с нехорошими ребятами. Нехорошие ребята нехорошие потому, что лазают по яблоки в чужие сады. Вредители, в общем. Хороших ребят возглавляет очень правильный мальчик по имени Тимур. Хорошие, конечно же, побеждают нехороших.

Нормальная такая детская повесть. С точки зрения идеологической и воспитательной роли – с огромным потенциалом. И посему была включена в школьную программу по литературе. К времени правления Леонида Ильича Брежнева, когда уже в СССР якобы был построен развитой социализм, повесть положили в основу нового проекта воспитания детей и подростков. Так возникло тимуровское движение. Во всех классах пионерского возраста создавались совсем не тайные, а явные тимуровские отряды, которые обязаны были совершать добрые дела. Все «дела» тщательно протоколировались, подводились итоги. Например, отряд в конце месяца перед всей пионерской дружиной школы отчитывался: «Переведено старушек через дорогу – 18 штук; поднесено сумок – 22; наколото дров – два вагона...» – и далее в таком вот пионерском духе. В то время в больших городах России можно было видеть мечущихся по улицам и дворам пионеров в поисках «добрых дел». Иной раз они целой толпой набегали на какую-нибудь одинокую старушку со своей небольшой сумочкой, хватали эту сумку и гордо несли, несмотря на то что старушка отчаянно пыталась вернуть свое имущество обратно.

Старушек на всех не хватало... Тогда возникла идея «окружить теплом и заботой» всех одиноких. Ну, не всех – пионеров не хватит, так хотя бы известных. Опять же, без приглашения и договоренности, толпа пионеров влетала в дом и требовала дать им какие-то поручения: сходить в аптеку, в булочную за хлебом, за молоком, убрать в комнате.

О тимуровском движении снимали фильмы, писали в газетах, рассказывали на радио. В общем и целом этот вроде бы и неплохой проект стал в итоге грандиозной показухой. Конечно, были среди тимуровцев поначалу и ребята нормальные, были и отряды вполне приличные, но идеологи строительства коммунизма довели ситуацию до полного абсурда, и нормальное дело было превращено в очень плохой спектакль. Впрочем, как все в той стране под названием СССР, где не жили – играли роли счастливых строителей коммунизма.

И вот однажды к Фаине Раневской настойчиво постучали. Когда она вышла, ее встретил бодрый пионерско-тимуровский отряд, командир которого поставленным голосом громко доложил: к одинокой старушке прибыл тимуровский отряд для выполнения добрых дел, а именно: взятия над ней, Раневской, известной актрисой, шефства.

Вот тогда Фаина Георгиевна и сказала своим всеми уже узнаваемым голосом:

– Пионэры, возьмитесь за руки и идите в жопу!

Раневская могла прощать людям многое, почти все, но никогда не прощала плохой игры, фальши, бесталанности. Она, как никто другой, воспринимала всю систему советского государства как срежиссированный спектакль, она знала, что делается за кулисами этого театра, она видела многочисленные ниточки в руках кукловодов. Она смирилась с окружением, но ее смирение не означало, что она готова принять участие в этой бесталанной игре. Нет-нет, Фаина Раневская не была антисоветчицей, она была очень далека от политики, ее жизнью был только театр, и больше ничто не могло ее волновать. Но в жизни играть роль счастливой от проявленной тимуровцами заботы бабушки она бы никогда не стала. И подыгрывать не смогла бы.

То, что Фаина Раневская видела все и все понимала в советской действительности, бесспорно. В связи с этим вспоминается такой эпизод.

В 1949 году снимается драма по пьесе Сергея Михалкова «У них есть Родина». В фильме рассказывалось о сиротском приюте, который находился после окончания войны на территории Западной Германии. Этот приют разыскивают советские разведчики и устанавливают, что в приюте находятся дети из Советского Союза. А сейчас приют опекается английскими войсками. Конечно же, наши разведчики начинают добиваться возвращения советских детей на их родину. И, конечно, счастливые детишки возвращаются в СССР.

Так вот Фаина Раневская назвала фильм дерьмом. Потому что он был поставлен по дерьмовой пьесе.

В этом фильме Раневская играла толстую немецкую фрау, которая страстно любит сосиски с пивом. Ей не просто было играть: по замыслу режиссера, она должна была быть

толстой, с расплывшимся от жира лицом. Приходилось не только надевать на себя «утолщения», но и что-то засовывать за щеки, чтобы придать полноты лицу. Говорить в таком случае было крайне трудно. Но не это заставило актрису сказать о фильме «дерьмо». Вот слова самой Фаины Раневской: *«Когда я говорю о михалковском дерьме, то имею в виду только одно: знал ли он, что всех детей, которые после этого фильма добились возвращения на родину, прямым ходом отправляли в лагеря и колонии? Если знал, то тридцать серебряников не жгли руки?»*

Да, она ценила те награды, которые она получала. Своеобразно, надо сказать, ценила, понимая, что они – документальное подтверждение ее таланта. Не за награды она играла, но если их давали – она брала. Свой первый орден «Знак Почета» вместе со званием «Народной артистки РСФСР» она получила за съемки в фильме «Весна». Вот что рассказывает сама Раневская об этом.

«Задолго до события составлялись подробные списки. Там указывалось все: год и место рождения, образование, работа, семейное положение и номер паспорта. Потом, недели за две, ставили в известность, когда и к каким воротам явиться. Помню, часам к двум у Боровицких, в садике, выстроился длинный хвост – никого не пускали, пока не выйдет время. Затем начали сличать фотографии в паспорте с наружностью, номера и прописку со списками... Пройдешь ворота – дальше ни с места, жди, пока всех проверят. Возле нас дюжина казэбэшников в форме. Шестеро солдат встали впереди, шестеро сзади – и повели колонну ко Дворцу. «Как заключенных, – подумала я. – Только ружей конвою не хватает». Всем-то любопытно, вертят головами по сторонам, но нельзя! У входа во Дворец снова дотошная проверка. Все уже измотались – сил нет. Наконец поднялись по лестнице, появился Калинин, нет – Георгадзе. Расплылся в улыбке, сказал мне что-то об особом удовольствии, я тоже заулыбалась, а сама думаю: «Скорее бы это кончилось». И бокал шампанского не поднял настроения... А главное, дальше – то же самое, но в обратном порядке. «Теперь-то зачем? – закипала я. – Ну, каждый получил свое, ничего не украл, отпустите душу с Богом!» Нет, те же подозрительные взгляды, каменные лица, будто и «Весну» никогда не видели».

Фаина Раневская никогда не питала иллюзий в отношении социализма в СССР.

Этот первое, что я увидел в этой фразе.

Второе. Фаину Раневскую нынешние любители изящной словесности часто упрекают в ее любви к так называемой низкой лексике, кто-то находит в ней цинизм, грубость, желчность. Вот и эта фраза про пионеров и жопу: как же можно! Это же дети, как можно детям сказать такое?

Можно сказать и нужно сказать. Потому что, во-первых, если есть жопа у человека и она видна, то есть и слово «жопа», и оно должно быть дозволено. Во-вторых, пионеры не реже Раневской, она об этом точно знала, употребляют в своих разговорах это слово. Иными словами, Раневская всегда и везде говорила правду. Мало того, эта правда у нее звучала не только остроумно, с сарказмом, но иной раз – с убийственным сарказмом, прямолинейно, так, что истолковать иначе и нельзя было.

Фаина Раневская была правдива во всем, что бы ее ни касалось. В этой ее непосредственности было что-то от детской наивности. И совсем не случайно однажды ее подруга Анна Ахматова сказала ей, что «тебе одиннадцать лет и никогда не будет двенадцать».

Некоторые утверждают, что наиболее часто употребляемыми словами в лексиконе Раневской вне сцены были слова «жопа» и «говно». Согласитесь, даже если это и так, это не выглядит необычным и неприемлемым для человека, привыкшего говорить правду. Ведь в действительности говна (позволим себе это слово) вокруг Раневской было очень много, и это касалось в первую очередь театра. Она, истово требующая от себя и от других полной выкладки на сцене, не игры, но настоящей жизни, не могла не видеть, что главным в театре становится идеология, что профессионализм порой подменяется показушной преданностью пустым идеям.

И однажды она высказалась прямо: *«Тошно от театра. Дачный сортир. Обидно кончать свою жизнь в сортире».*

И третье, что я усмотрел в этой знаменитой фразе. Как бы там ни было, но Фаина Раневская своей искренней прямоотой проявляла такую же искреннюю заботу о людях. Известен, например, один случай, когда она резко высказалась по поводу колыбельной молодого композитора: *«Милый! Даже колыбельную нужно писать так, чтобы люди не засыпали от скуки!»* Зло? Да нет же, правдиво! И настоящего мастера такая оценка его работы только подстегнет к действию, к желанию усовершенствоваться. А бездарей, которые в таких случаях впадают в протрацию, не жалко.

А уж сколько едких, колючих, жестких замечаний получал режиссер Театра Моссовета Юрий Завадский, в труппе которого Раневская играла несколько лет, – не счесть. Но об этом мы поговорим более подробно позже.

Многие отмечают именно эту черту великой актрисы: нераздельное сочетание жесткости и сострадания. Раневская была жестким, иной раз и жестоким человеком, но одновременно очень сострадательным. Вот только ошибочно будет полагать, что ее сострадание было слепо, сродни монашеской доброте. Нет, Фаина Раневская видела, кто и в каком случае действительно достоин сострадания – и делилась, чем могла. Причем ее сострадание было предметным, то есть заключалось в поступке, деле, а не только в высказанных словах. Ее дружба с Анной Ахматовой была известна всем. То ли из-за зависти, или же это было действительно так, но современники Раневской рассказывали, будто она называла Ахматову скифской бабой – потому, дескать, что Анне Ахматовой нет никакого дела до ее окружения. Если задуматься, то Раневская могла такое сказать. Более того, так сказать могла именно только Раневская: чрезвычайно точно, образно и остро. Разве же не была Анна Ахматова отстраненным от действительности человеком? Разве волновало ее что-то в жизни, кроме мира поэзии? Да и внешность... Но кто больше всех опекал Анну Ахматову в Ташкенте, когда было холодно и голодно? Об этом мы тоже поговорим ниже...

Или вот совершенно другой случай. Мария Цветаева возвращается из эмиграции. Средств к существованию практически нет. Фаина Раневская в это время получает зарплату в театре. Денег вышла круглая сумма, и они были получены Раневской в одной банковской пачке. С этой пачкой Фаина Раневская и поехала к Цветаевой. И вручила ей деньги, думая, что Цветаева разделит эту пачку... Но Мария Ивановна сердечно поблагодарила Раневскую, крайне тронутая этим поступком: теперь месяц она могла жить на эти деньги относительно безбедно. Раневская, конечно же, не стала требовать дележки. Чтобы выжить самой, она продала свое кольцо. И вот, спустя некоторое время, она вспоминала этот случай и говорила: *«Как я счастлива, что не успела тогда поделить пачку!»*

Полное нежелание разговаривать двусмысленно, скрывать свою оценку людей и событий проявлялось у Фаины Раневской иной раз помимо ее воли. Как-то Фаина Георгиевна, тогда еще совсем молодая, познакомилась с утонченной женщиной, образованной, реальной светской дамой XIX века Татьяной Львовной Щепкиной-Куперник. Раневская стала частым гостем у этой женщины. Однажды разговор зашел о Чехове. Фаине Раневской, конечно же, было что сказать об этом писателе. Говорили о его несладкой судьбе, о болезни, об одиночестве в Ялте – его супруге все никак не удавалось тогда приехать к своему мужу. Дальше рассказывает сама Раневская.

«После третьей рюмки я почувствовала себя достаточно раскрепощенно:

– Татьяна Львовна, а ведь Ольга Леонардовна Книппер-Чехова – блядь.

И обмерла от ужаса: сейчас мне откажут от дома!

Но изысканная Татьяна Львовна всплеснула ручками и очень буднично, со знанием дела воскликнула:

– Блядь, душенька, блядь!..»

Правду нельзя замалчивать, правда лечит, правда помогает жить, оставаться в первую очередь человеком. И это всецело принимала Фаина Раневская, принимала и пронесла как стяг через всю свою жизнь. Но в ее понимании правда была лишена всяких идеологических устремлений, она знать не желала никакой революционной или еще какой правды. Правда может быть только одна: это твоя искренность во всем, что ты делаешь, думаешь, говоришь.

Фаина Раневская послала пионеров-тимуровцев с их заданием взять шефство над одинокой известной старушкой в жопу. И это было не только неприятие советского спектакля жизни, отвращение к убогой пародии всеобщего счастья, не только ее личная смелость, но и желание открыть им, юным пионерам, глаза на действительность. Кто знает, может быть, кто-то из них и задумался после слов «старушки» о том, чем он на самом деле занимается...

Это не только пионеров отправляла Фаина Раневская в недалекое пешее путешествие. Она отправляла туда всех с традиционно плоским образом жизни и мышления. Всех, кто лишен чувства юмора, всех, живущих счастливо в своей зашоренной действительности. Всех, кто не смог подняться выше уровня кухни. Всех, кто не умеет воспринимать жизнь как свою собственную данность, которой в полной мере может распорядиться самостоятельно.

Фаина Раневская о действительности

Оптимизм – это недостаток информации.

Как я завидую безмозглым!

Когда я умру, похороните меня и на памятнике напишите: «Умерла от отвращения».

Красивые люди тоже срут.

Если бы судьба не назначила мне быть актрисой, я бы стала историком.

2. «Всю жизнь я проплавала в унитазе стилем баттерфляй»

Мне иногда обидно за Фаину Георгиевну. Подозреваю, что далеко не все задумываются над той глубиной, которая присуща практически всем ее цитатам. Вот как и та, которая стала заглавием этой второй главы книги. Чтобы понять весь смысл этих слов, нужно точно представлять, что такое стиль баттерфляй. Это спортивный вид плавания, один из самых быстрых, эффективных и в придачу зрелищных. Но одновременно он требует колоссального расхода сил, бесконечных тренировок и необходимости всегда быть в форме.

И вот теперь, если вы раньше ничего не знали про баттерфляй (что и не обязаны), вы уже почувствуете, каким смыслом наполняются слова Фаины Раневской.

Но это еще не все. Стиль баттерфляй – это такое плавание, когда человек ныряет, плывет под водой, выныривает, хватая воздух во все легкие, опять ныряет...

Вот теперь, согласитесь, фраза Фаины Георгиевны зазвучала во всей своей серьезности...

Что было для нее глотком воздуха? Безусловно, театр.

Но в этой главе мне бы хотелось поговорить о том, что было там, где приходилось сдерживать дыхание. Ведь наверняка те из вас, кто осведомлен хоть немного о жизни в СССР с первых его лет, невольно уже задавали себе вопрос: как же она выжила?

Действительно, с учетом того, что я написал в первой главе о прямоте, открытости, безбоязненности Фаины Раневской, с учетом вот этой фразы о своей жизни – как же она не попала в руки НКВД – Ежова, Берии? Как не коснулись ее заморозки после оттепели Хрущева? Как ее не упрятали подальше в психиатрическую лечебницу при Брежневле?

И ведь дело вовсе не в том, что она что-то такое там говорила против советской власти, выражаясь протокольным языком, «очерняла советскую действительность». Дело в том, что с таким характером – вздорным, резким, непримиримым – Раневская, конечно же, имела мешок и небольшую торбочку врагов. Она понимала это: бездарности, которых хватало во все времена в советских театрах, и особенно в пору Сталина, ее ненавидели люто. Раневская вспоминала: *«В театре меня любили талантливые, бездарные ненавидели, шавки кусали и рвали на части».*

Обратите внимание на такое необычное перечисление окружения по способностям: талантливые, бездарные, шавки. Первые два – понятно, естественно. А шавки? Это какие? Так вот, шавки – это чаще всего «засланцы». Люди НКВД-КГБ, специально приставленные к театру под видом то ли работников сцены, то ли обслуживающего персонала, а то и актеров.

И здесь буквально один донос мог стать одновременно и приговором. Писали ли доносы на Раневскую, смачно вплетая туда ее фразы и фразочки? Писали, это несомненно.

Да и сама Фаина Георгиевна не единожды при всех вела себя так, что могло быть истолковано бдительными органами как «антисоветская пропаганда».

Пятидесятые годы. В магазинах – очереди и пустые полки. Раневскую и еще семейную чету артистов приглашают в высокопоставленный дом какого-то крупного партийного работника. Раневская вспоминала:

«...А на столе изобилие, как при коммунизме. Закусываем мы в полное удовольствие, налегли на семгу и осетрину, и тут хозяйка останавливает нас:

– А не пришло ли время дорогим артистам показать свое мастерство? Фаина Георгиевна, может, вы нам прочтете? Просим!

И захлопала в ладоши, не улыбаясь. Я сорвалась:

– А что, настала пора харч отработать?»

Были и иные случаи не менее экспрессивного поведения Фаины Раневской вблизи политического огня.

В те времена партийные собрания первичек проходили, как правило, с обязательным участием всего коллектива, в целях, так сказать, воспитания и назидания. На одном из таких партийных собраний в Театре Моссовета как-то прорабатывали товарища за его немарксистско-ленинское поведение. Провинился товарищ, в общем. «Неопровержимые данные» свидетельствовали о том, что он склонен к гомосексуализму. Страшное дело: как может коммунист быть гомосексом? Все шло по накатанной: доложено присутствующим о провинности товарища, поднимаются его друзья и, как то нужно, «клеят позором и другими нехорошими словами» нарушителя.

Этот уродливый спектакль с его тупой игрой идейных товарищей вывел Раневскую из себя. Она поднялась и заявила: *«Каждый волен распорядиться своей женой, как ему хочется. Поэтому я свою поднимаю и убываю».*

Наступила немая сцена. Нужно заметить, что на любое заседание первички всегда приходил ответственный товарищ из организации повыше. Это не театральная межсубойчик, где все оставалось меж своими (если кто не был доносчиком). Последствия для Раневской могли быть катастрофическими. Но – пронесло. Может быть, и потому, что Фаина Георгиевна не состояла в рядах коммунистов. Хотя ей не единожды делали такие предложения.

Кто защищал Раневскую? Кто оберегал?

Не кто, а что – ее талант.

Идеологи марксизма-ленинизма прекрасно понимали, что всякое зрелищное искусство может быть использовано ими в их политической борьбе за массы. И поэтому после Октябрьского переворота в 1917 году театры рождаются один за другим. Их репертуар был узок и однонаправлен – все «о борьбе трудящегося народа». Их артисты были самые что ни на есть пролетарии – ведь истинный рабоче-крестьянский театр возможен только с артистами из рабочих и крестьян!

И получился великий пшик. Через самое короткое время вожди социалистической республики поняли, что создать «рабоче-крестьянский театр» во много раз сложнее, чем разогнать Учредительное собрание и взять Зимний дворец. Что артисты и режиссеры должны быть в первую очередь талантливы. Что вся воспитательная сила искусства проявляется только в том случае, если на сцене – настоящее искусство, а не жалкое его подобие. Да и сами вожди разных уровней, имеющие хоть какое-то интеллектуальное и духовное развитие, желали видеть на сцене настоящую игру.

И поэтому вопрос наличия артистов-профессионалов для коммунистов стоял очень остро, под особым контролем.

Сам Сталин любил театр. И разбирался в игре артистов очень даже неплохо для своего уровня. Но более театра Сталин любил кино. И если роль театра была несколько ограничена в деле «агитации и мобилизации» в силу понятных причин, то кино давало в руки вождя самый мощный инструмент воздействия на сознание людей. И мобильный к тому же. Но, образно говоря, стрелять из такого инструмента холостыми патронами было бы не только глупо, но и непозволительно. Поэтому и фильмы должны были быть и мастерскими, и правильными. Например, такими, как про царя Ивана Грозного режиссера Эйзенштейна. Сталин был доволен этим фильмом. Очень доволен. И даже наградил фильм премией имени себя. Сегодня этот фильм стоит в ряду лучшего, созданного гением режиссуры. И вряд ли кто задумается о том, чем же этот фильм был угоден Сталину. А ответ прост: в фильме показано, кроме всего прочего, как один – именно один! – человек, властный царь выводит свой народ к лучшему будущему. Так почему бы, посмотрев эту «фильму», простому народу не подумать о том, что единоначалие, единый царь над всеми – это превеликое благо? (Опустим здесь подробности о второй серии, которая не понравилась Сталину.)

И поэтому Сталин всегда смотрел новые фильмы.

Пропустить роли Раневской в фильмах он, как и миллионы зрителей, не мог – из-за ее искрометной, выразительной игры. И однажды в Кремле после просмотра нового фильма он поделился своим мнением об игре актеров: «Вот у нас актер, товарищ Михаил Жаров. Он хороший артист, там усики ему приклеят, там голову побреют, там бороду нацепят, но в любой роли все равно видно, что это – Михаил Жаров. А товарищ Раневская никогда и усы не клеит, но во всех случаях она – разная».

Надо ли говорить о том, что такая оценка игры Фаины Георгиевны была сродни подписанию указа о ее награждении орденом? Более того, с этого момента жизнь и свобода Фаины Раневской зависели уже только лично от самого Сталина – открытое восхищение актрисой означало для всех тайных и явных служб и ведомств только одно: Раневскую не трогать ни при каких условиях. Наоборот: охранять.

Это было понятно не только всесильным органам. Понял, что произошло, и Сергей Эйзенштейн, присутствующий при словах Сталина. Он тут же бросился звонить Раневской (учтем, что обычно все приемы в Кремле с участием Сталина проходили глубокой ночью). Разбудил ее и пересказал все. Фаина Георгиевна была крайне возбуждена этим известием и радовалась, как ребенок. Ее непосредственная натура требовала немедленно с кем-то поделиться услышанным. Как была, в ночной рубашке, она, накинув только пальто, прихватила бутылочку и пошла будить дворника. Она была уверена, что уж он-то не обидится на столь поздний визит. Что и случилось: бутылка была распита в «теплой и дружеской обстановке».

Съемки в фильмах принесли Раневской любовь миллионов зрителей. В 1939 году выходит тот самый знаменитый фильм «Подкидыш», где Фаина Раневская играет этакую жену-мещанку, самоуверенную, властную. Как всегда, готовя свои роли, она во множестве перекраивала сценарий, придумывала свои фразы и шутки. Вот и ту самую знаменитую фразу: «Муля, не нервируй меня», Раневская придумала сама (хотя некоторые говорят, что это придумала режиссер Татьяна Лукашевич). Как бы там ни было, эта второстепенная в общем-то роль в фильме, небольшой эпизод был сыгран с таким мастерством, что запал сразу же в сердца зрителей.

«Муля, не нервируй меня» – это первая в истории кино фраза, ставшая крылатой. К слову сказать, Раневская возненавидела потом ее, и было отчего. Не только мальчишки кричали ей вслед эти слова. Дошло до того, что и Леонид Ильич Брежнев, вручая ей награду, не удержался и сказал: «Вот, идет наша... Муля, не нервируй меня». Раневская с нескрываемым ехидством заметила, что ей так кричат вслед мальчишки и хулиганы. Брежнев покраснел...

В 1947 году вышел фильм «Весна». И пусть там в главной роли была всеобщая любимица Любовь Орлова, Раневская в паре с Пляттом сыграли так комедийно, ярко, весело, что зрители запомнили их больше, чем главных героев.

В том же, 1947 году на экраны выходит знаменитая сказка «Золушка». Помните ту злую мачеху, которая на балу у короля тщательно записывает в свой блокнот все знаки внимания, которые оказывает принц ее родным дочерям? Это была Раневская. Эта роль была настолько яркой, такой потрясающей глубины, с таким острым социальным подтекстом, что не увидеть в актрисе могучего таланта не смог бы и слепой. Раневскую полюбили всей душой, миллионы ждали ее появления на экранах.

С кумирами миллионов власти поступали по-особому. И здесь дело не только в желании угодить миллионам. А в том, чтобы этим самым миллионам показать, что вот в такой хорошей стране есть такие выдающиеся артисты.

Раневская понимала все.

Вот поэтому и баттерфляй в туалете. Всю жизнь – среди дерьма. И только короткий вздох настоящего воздуха – это ее игра.

Нам будет трудно понять Раневскую, да и многих других артистов, если мы не отметим для себя одну очень существенную деталь. А именно: артисты никогда не служат власти. Они

не служат и народу, хотя власть всегда убеждала этот народ именно в том, что ему служат. Артисты не служат ради наград или жалованья. Они служат только одному – сцене. Настоящий талант живет всегда вне той среды, в которой находится. Главным источником жизненных сил для него становится возможность играть.

Это сложно понять, в это нужно просто поверить. Таков удел настоящих артистов. И Фаина Раневская – ярчайший пример вот такой жизни, когда она жила вне системы, не отвергая ее, но и не вступая в нее душой, разве что соприкасаясь жопой, если пользоваться терминологией Фаины Георгиевны.

И сейчас нам уже легче ответить и на другой иногда звучащий вопрос: а почему она, Раневская, не эмигрировала? Ведь многие же покинули большевистскую Россию.

Но куда больше актеров и осталось.

Еще раз: артисты живут вне системы.

Да, и вот еще что. Это сегодня мы читаем и представляем, как некогда в России произошла Великая Октябрьская революция. Да нет же, было по-другому: в городе Петрограде произошел переворот. Последствия всех этих и предыдущих потрясений всегда проявлялись постепенно, исподволь. Это поколения, выросшие при СССР, уверены, что, например, в 1905 году вся Россия была охвачена огнем восстаний, а все улицы во всех городах заняты баррикадами. Все не так. И даже наоборот.

Начало двадцатого века характерно для России всплеском в общественно-культурной жизни. В великом множестве открывались новые театры, в число зрителей и преданных любителей все чаще попадали люди из самых разных слоев населения, театр становился востребованным в любом уголке России. Страна словно проснулась от векового сна и сейчас жадно дышала воздухом искусства. Новые идеи, новые веяния – вся жизнь дышала новью.

Опять повторимся: искусство живет вне пространства. Это потом большевики будут тчиться поставить его на службу, обрядить в политические одежды. Но настоящему таланту безразличны социальные потрясения. Артист ощущает изменение политического строя и социальной устроенности не душой, а только желудком и телом: когда наступает голод, холод, бытовые неудобства. И когда в игру пытается вмешаться товарищ в кожанке с маузером...

Фаина Раневская и здесь выделялась среди всех прочих талантливейших актрис: ее нисколько не волновал быт! Она ничуть не задумывалась о своем материальном благополучии, деньги всегда существовали для нее лишь как средство питаться и одеваться. Вообще, она не любила деньги.

«Деньги мешают, и когда они есть, и когда их нет. Вещи покупаю, чтобы дарить. Одежду ношу старую, всегда неудачную...» – говорила о себе Раневская.

В первой главе я писал о бескорыстности Раневской. И там не было преувеличений. Например, она могла получить гонорар за съемки в фильме, принести его в театр и раздать всем артистам, если жалованье опять задерживали. В быту же Раневская была беспомощна, как ребенок. Поэтому ей пришлось держать домработниц. И те обкрадывали и обманывали Раневскую как могли. Но Раневская, хотя и знала про это, никогда никого сама не выгоняла, не наказывала. Совестьливые гости перед уходом от Раневской обязательно проверяли карманы своих пальто – Раневская тайком часто клала туда подарки. Были хорошие духи – засовывала духи. Не было духов – хоть новый носовой платок...

Эта неприязнательность Фаины Раневской, полная ее отстраненность от быта, чуждость мещанству делали ее еще более защищенной от системы.

Но до конца защититься было невозможно.

Вездесущее КГБ во времена Хрущева вело самую активную работу во всех уголках человеческой деятельности. Те самые «шавки» в театре уже не устраивали КГБ, им нужны были не жалкие, всеми презираемые доносчики, но тайные агенты, авторитетные, умные. И поэтому

практически каждый из более-менее значимых артистов во всех театрах получал в какое-то время предложение о сотрудничестве – артистов вербовали в открытую и тайно.

Раневская знала об этом, знала, что рано или поздно агенты госбезопасности придут и к ней. Вообще-то, сами они не приходили – вызывали для «беседы». Уже став народной артисткой СССР (это было при Хрущеве), Раневская привлекла внимание лично начальника контрразведки генерал-лейтенанта Грибанова. Время торопило, а тут случилась накладка – навалилось много работы. И Грибанов отправляет для вербовки Раневской своего молодого работника Коршунова.

Для Коршунова вербовка Раневской не виделась как что-то трудное. Еврейское происхождение Раневской давало ему в то время преимущество. Но тем не менее начал Коршунов издалека. Напомнил товарищу Раневской, что вот-де, вышла новая программа товарища Хрущева, в которой прямо сказано: нынешнее поколение людей будет жить при коммунизме. И так обязательно будет. Только эти подлые империалисты так и норовят вставить палки в колеса эсэсэсэровской машины. Вредят как могут. Засылают врагов прямо сюда, в Москву. Вся страна поднялась в едином порыве выполнить программу товарища Хрущева и ответить с честью на наглые выпады Запада. И долг каждого советского человека – помочь органам выявлять тех, кто вредит, кто куплен агентами мирового империализма...

Раневская слушала, курила папиросы. И только опер закончил, как она не менее страстно и уверенно, чем только что он говорил о будущей победе коммунизма, сказала, что готова вот прямо сегодня и сейчас же начать работу с КГБ: *«Сразу, без лишних слов, заявляю: я давно ждала этого момента, когда органы оценят меня по достоинству и предложат сотрудничать. Я лично давно к этому готова – разоблачать происки ненавистных мне империалистических вымпелов... Можно сказать, что это моя мечта с детства...»*

Молодой кагэбист Коршунов засиял от удовольствия. Но вдруг Раневская упавшим голосом говорит «но». И дальше опер слушает: Раневская живет в коммунальной квартире. Это еще полбеды. Но она разговаривает во сне! Очень часто, раздумывая над ролями, она во сне их «проигрывает». Она очень ответственный и обязательный человек. Вот вдруг ей поручат какое-то очень сложное задание, она будет обдумывать целый день, как бы его лучше выполнить, а потом ночью вдруг начнет разговаривать о нем? Ведь она же «сдаст» все пароли, явки, всех тайных агентов... И ведь никуда не спрятаться: она же видит, что буквально круглосуточно под ее дверью дежурят! Если она говорит по телефону, во всей квартире мгновенно наступает тишина – ее непременно хотят подслушать. Какие-то темные личности встречаются ей за углами то здесь, то там, трусливо убегают, пряча лица... Нет, за ней явно следят, явно. *«Я говорю вам о своих недостатках заранее и честно. Ведь между нами, коллегами, не должно быть недомолвок, как вы считаете?»* – закончила Раневская.

Кагэбист Коршунов был сражен. Он настолько растерялся, что не знал, как попрощаться с Раневской: только словами или пожать ей руку уже как «коллеге». Своему непосредственному начальнику генералу Грибанову он через некоторое время докладывал, что Раневская – исключительно «наш» человек, что хоть сегодня она готова с агитационной литературой в трусах отправиться на задание в какую-нибудь из Америк, но есть особенности, и они мешают. И рассказал о разговорах Раневской во сне и то, что она в коммунальной квартире окружена личностями со всеми признаками потенциальной вражеской агентуры.

Говорят, Грибанов был на редкость умным и проницательным человеком, к тому же ценившим юмор. Сейчас трудно сказать, поспособствовал ли этому он сам или же кто иной, но вскоре после разговора с агентом КГБ Фаина Раневская получила однокомнатную квартиру.

Фаина Раневская о жизни вокруг

У меня хватило ума прожить жизнь глупо.

Жить надо так, чтобы тебя запомнили и сволочи.

Если бы я, уступая просьбам, стала писать о себе, это была бы жалобная книга – «судьба – шлюха».

Я говорила долго и неубедительно, как будто говорила о дружбе народов.

У вас такой же недостаток, как и у меня. Нет, не нос – скромность.

3. «Страшно грустна моя жизнь...»

В заголовок этой главы вставлена не полная цитата. Завершают ее такие слова Фаины Раневской: *«А вы хотите, чтобы я воткнула в жопу куст сирени и делала перед Вами стриптиз».*

Писать биографическую книгу о Раневской тяжелее во сто крат, чем о любом другом артисте.

Судите сами.

Тридцать шесть ролей в фильмах и сыгранных спектаклях – и ни одной главной роли, той роли, о которой мечтает каждый актер, роли в известнейшем спектакле, который как раз и является определенным олимпом для любого актера. У Раневской были главные роли, и она прекрасно играла их, но те спектакли и фильмы были не того уровня, к которому стремилась Раневская. Были и вовсе провальные по режиссуре фильмы, в одном Раневская сыграла-таки главную роль, которой потом стыдилась всю свою жизнь. Но вместе с тем авторитетная Британская энциклопедия включает Фаину Раневскую в десятку выдающихся актеров всего 20-го столетия.

Люди забывают названия фильмов и спектаклей, но помнят те роли, которые сыграла Раневская. Это парадоксально, но это так и есть.

Наверное, стоит сразу ответить на один из главных вопросов, который задают многие, очарованные артистическим и человеческим талантом Раневской.

Почему ей не давали главных ролей в значимых фильмах ведущих режиссеров Советского Союза?

Некоторые полагают, что Фаина Раневская не была красивой актрисой согласно тем канонам красоты, по которым красивой считалась, например, Любовь Орлова. Да, это так. Но красота – это идущее из глубины души одухотворение, заставляющее зрителей видеть перед собой нечто необыкновенно притягательное, доброе, светлое.

Если взглянуть на театр и кино с точки зрения советской идеологии, то для Фаины Раневской в самом деле тяжело отыскать главную роль: создаваемые ею персонажи, как правило, трагедийны или комичны, вызывают улыбку или сострадание. Или же отталкивают. Казалось бы, Фаина Раневская создана для так называемых вторых ролей, призванных оттенить в выгодном свете главных героев. И существовала целая теория относительно того, кому что играть и кем быть на сцене в силу телосложения актеров, их внешности, характерных черт лица.

Но все эти рассуждения – ерунда. Потому что режиссеры не один раз показывали миллионам зрителей, как те актеры, которым система уготовила определенные амплуа, которых чиновники от искусства не утверждали на другие роли, раскрывали свои таланты в самых неожиданных ракурсах. Характерный пример – Анатолий Папанов. После съемок в фильмах «Берегись автомобиля», «Бриллиантовая рука» он виделся всем как герой комедийных лент, не более. Но как вдруг раскрывается драматический талант этого актера в фильме «Холодное лето 53-го»! А вспомните фильм «Операция «Ы» и другие приключения Шурика» и того толстого увальня, хулигана и тунеядца Федю, которого сыграл Алексей Смирнов. Ведь и вся его жизнь сложилась таким образом, что он оставался для советских режиссеров способным только на шутовские роли второго плана. Да, запоминающиеся, яркие, но – несерьезные, второстепенные. И вот режиссер и актер Леонид Быков дает ему одну из главных ролей в фильме «В бой идут одни «старики». Роль обычного механика самолетов Макарыча была сыграна настолько блестяще, ярко, с таким трагедийным внутренним напряжением, что стала лучшей в истории артиста. Не шутовская – глубоко драматичная роль. И стоит вспомнить о том, сколько сил и терпения понадобилось Быкову, чтобы убедить чиновников утвердить на роль механика Макарыча именно Алексея Смирнова.

Внешность бывает обманчива. И даже не так: внешность, как правило, всегда обманчива! Те, кто знал хорошо Алексея Смирнова, поражались его глубочайшей интеллигентности, уму, умению поддержать разговор. А как глубоко Алексей Смирнов знал японскую поэзию! Неожиданно, не правда ли, – туняец Федя и хокку Басё!

И ведь как же в этом похожи Смирнов и Раневская: их внешность ничуть не соответствовала их глубокому, неординарному внутреннему миру. Выскажу такую мысль: для Фаины Раневской не нашелся такой режиссер, как Леонид Быков. Вот чего действительно жаль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.